

ЗАБЫТОЕ ИМЯ

Е.Л. Сузрюкова¹

Новосибирская православная духовная семинария

**МЕТАЛЛЫ В ЦИКЛЕ РАССКАЗОВ
В. А. НИКИФОРОВА-ВОЛГИНА «ДЕТСТВО»**

В статье исследуются семантика и функции металлов в цикле рассказов православного писателя В.А. Никифорова-Волгина «Детство».

Ключевые слова: В.А. Никифоров-Волгин, цикл рассказов «Детство», металлы, семантика, православие.

E.L. Suzryukova

Novosibirsk Orthodox Theological Seminary

**METALS IN THE CYCLE OF SHORT STORIES
«CHILDHOOD» BY VASSILY NIKIFOROV-VOLGIN**

The present article investigates the semantics and functions of metals in the cycle of short stories of the Orthodox writer A. V. Nikiforov-Volgin "Childhood".

Keywords: V.A. Nikiforov-Volgin, cycle of short stories «Childhood», metals, semantics, orthodoxy.

Литературоведческих работ, посвященных анализу семантики металлов в художественных произведениях, не так много. К примеру, Л.В. Карасев, исследуя символы в текстах Ф.М. Достоевского, пишет об «агрессивном и беспощадном» железе, наделенном семантикой смертоносности, и о меди – «металле мягком, защищающем, сострадающем», связанном с образом колокола и имеющем «несомненно благое» значение [Карасев, 1994, с. 103]. Золото и серебро в стихотворениях А.А. Фета, по мнению Т.И. Косолаповой,

¹ Елена Леонидовна Сузрюкова, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Новосибирской православной духовной семинарии

имеют солярную и лунную семантику соответственно [Косолапова, 2002, с.203], их функция – подчеркнуть красоту земной реальности [Косолапова, 2002, с. 202]. В лирике же поэта серебряного века А. Белого золото – «метафорика соловьевской теургии, «золотой» облик вселенной – грезы молодого мистика о преображении бытия, близость «священных дней», заповеданного Вл. Соловьевым торжества мировой Души <...>» [Косолапова, 2002, с. 202].

Однако в поле зрения филологов до сих пор еще не попадала семантика металлов в творчестве В.А. Никифорова-Волгина – писателя-эмигранта, жившего в одно время с А. Белым и немногим его пережившим. Первая книга В.А. Никифорова-Волгина «Земля-именинница» вышла в свет в 1937 году: цикл рассказов «Детство» был опубликован именно там.

Последний из десяти рассказов рассматриваемого нами цикла обладает названием, в структуре которого содержится эпитет, сопряженный, помимо всего прочего, с «металлическим» смысловым рядом, присутствующим и в других рассказах «Детства», – «Серебряная метель». Серебро и однокоренные с этим словом лексемы по частотности среди упоминаний металлов занимают первое место в цикле «Детство» (17 упоминаний). На втором месте здесь находится золото и эпитет «золотой» – в текстах они встречаются 14 раз. Дважды в цикле упоминается медь и единожды – жезль.

Серебро связано в рассказах «Детства» как с визуальным рядом («серебряный запрестольный крест» [Никифоров-Волгин, 2004, с. 48]¹, «в блесках серебра <...> на иконах» (с. 50), «серебряная ложка» (с. 58), «серебряная метель» (с. 61), «серебряные конфеты» (с. 63), «серебряная парча на престоле и жертвеннике» (с. 68), так и с рядом аудиальным («<...> тревожно забили в душе тоненькие, как птичьи клювики, серебряные молоточки» (с. 25), «серебряные слова» (с. 25), «от первого удара колокола по земле словно большое серебряное колесо покатилося» (с. 47), «<...> в серебряном гудении всех городских церквей» (с. 47), «словно песня <...> посеребрила его тусклый голос» (с. 68).

¹ Далее цитируется по этому изданию. Номер страницы указывается в круглых скобках после цитаты.

Звуковые образы, обозначенные в тексте при помощи метафор, сравнений и эпитетов, касающихся серебра, служат для характеристики явлений церковной жизни – мелодичности колокольного звона, звонкости читаемых в храме молитв и священных текстов, волнения причастника перед принятием Святых Даров.

Зрительный смысловой ряд, сопряженный с серебром, употребляется в качестве признака церковного предмета (креста, иконы, ризы – ткани на престоле), и это его основное значение в рассказах цикла; используется серебро еще как знак предмета бытового (серебряная ложка). Кроме того, бытовой предмет/обычное природное явление тоже получает эпитет «серебряный», выступая в качестве знака церковного праздника: «До Рождества без малого месяц, но оно уже обдаёт тебя снежной пылью <...> и снится по ночам в виде веселой серебряной метели» (с. 61); «В лавках и булочных уже показались <...> золотые и серебряные конфеты, от которых зубы болят, но все же будешь их есть, потому что они рождественские» (с. 63). Значение цвета обозначаемого предмета/явления эпитет «серебряный» здесь тоже передает, но это вторичное значение по отношению к главенствующим тут «праздничным» коннотациям. Серебряный, к тому же, – цвет как зимнего времени года, так и праздничного церковного облачения, надеваемого на Рождество. «Усиление» этого цвета через образы метели и «рождественских» конфет подчеркивает в тексте предрождественскую «праздничность», выдвигает тему наступающего Рождества Христова на первый план.

В рассказе «Земля-именинница» серебряная ложка используется не по прямому своему назначению: девушка-соседка семьи рассказчика Васи просит ее у Васиной матери, чтобы «побрызгать себя из серебра дождевой водицей. От этого цвет лица бывает хороший» (с. 58). Такое действие связывает образ серебра с семантикой красоты, хотя Лида и без того «первая красавица на нашем дворе» (с. 58), по словам Васи. Здесь, очевидно, присутствует реализация народного поверья, однако в тексте отсутствует противопоставление следования этому поверью церковной жизни. То, что делает Лида, вписывается в общую атмосферу праздника – чудесного, необычного времени – и сопровождается мотивом переживаемой рассказчиком радости.

Золото, как и серебро, является знаком церковной утвари: в текстах цикла мы встречаем «голубые ризы с золотыми крестами» (с. 10), «золотую Чашу» (с. 26), «золотую солнечную лжицу» (с. 26), «тяжелую золотую гробницу» (с. 48), «золотое Евангелие» (с. 48), «золото <...> на иконах» (с. 50). Здесь золото – или обозначение материала для церковных предметов, или их цвета, или того и другого вместе. Золотой цвет придает торжественность, праздничность церковной службе. Чаша, лжица, гробница, вмещающие Христа, получают также смысл царского престола, и золотой их цвет и /или материал – знак подобающего уважения и почтительного отношения к Царю. Крест и Евангелие – древний символ христианства и зафиксированное Слово Божие – тоже как особо почитаемые предметы наделяются соответствующими эпитетами – «золотой» и «золотое». Наконец, золото на иконах может быть интерпретировано как асист – отражение Божественного света на фоне икон, выполняемое нередко именно при помощи золота: «Асист никогда не имеет вида сплошного, массивного золота; это – как бы эфирная, воздушная паутинка тонких золотых лучей, исходящих от Божества и блистанием своим озаряющих все окружающее. Когда мы видим в иконе асист, им всегда предполагается и как бы указывается Божество как его источник» [Трубецкой, 1998, с.192]. Асист напоминают в рассказе «Светлая заутреня» появившиеся утром на иконах «солнечные жилки, похожие на соломинки» (с. 37), говорящие о восходе солнца.

Итак, характеристиками церковной жизни образ золота в рассказах данного цикла не исчерпывается. Золото связано в рассказах В.А. Никифорова-Волгина также с солярной семантикой: у Витьки, соседского мальчика, «золотой волос» (с. 12) от солнечного луча, проникшего в храм; на улице «золотая от солнца грязь» (с. 13), «золотая от заходящего солнца размытая дорога» (с. 15); «Предвечерье Великого Четверга было осыпано золотистой зарей» (с. 28).

В пространственных образах золотой цвет преображает природу, превращая грязь и размытую дорогу в наполненные светом и блеском солнца объекты. При этом земное пространство становится подобным по интенсивности света небесному, а все неприглядное поглощается солнечным светом, сглаживается.

В образах, отражающих то или иное время – утро/вечер, – золотой цвет солнца обилен, заполняет собою пространство, пронизывает его, высветляет. Ощущение красоты и чувство радости переполняют рассказчика, созерцающего такие наполненные солнечным светом картины. В описании «солнечных жилок» с появлением солнца и его лучей возникает мотив жизни.

В рассказах цикла есть золотой образ, рифмующийся с соответствующим ему таким же серебряным образом, – это золотые прядественские конфеты. Здесь актуализируется семантика праздника, придающая бытовому предмету сакральные черты.

Медь в рассказах В.А. Никифорова-Волгина – материал, из которого сделаны деньги: «Все молятся, и только церковный староста звенит медяками у свечного ящика» (с. 5); «Деревянная чашка безногого была полна медными монетами» (с. 59). Эти деньги выступают в текстах не как знак богатства, но в качестве подаваемой на храм или нищему милостыни.

Жесть – элемент фонаря, принадлежащего Гришке, – мальчику из более богатой семьи, чем рассказчик: «<...> он [Гришка] показал свой [фонарь], окованный жестью и с цветными стеклами» (с. 28). Этот фонарь противопоставлен в тексте простому «фонарику из красной бумаги» (с. 27), который сделал своими руками Вася. Таким образом, именно жесть оказывается символом богатства в цикле «Детство». В ряду других металлов – золота, серебра, меди – жесть обладает наименьшей ценностью, но в рассказах В.А. Никифорова-Волгина она приобретает наибольшую земную ценность, обнаруживая условность земного богатства, его бесконечно меньшее значение, чем то, что способна дать человеку жизнь в церкви, увязанная в произведениях писателя с образами благородных металлов, – золота и серебра.

Надежность жести не опровергается в тексте, однако бумажный фонарь/его отсутствие не только означают возможность сохранения огонька от четверговой свечи, но и сопрягаются с давней деревенской традицией и памятью рода: «Такой фонарь, – убеждал Гришка, – в самую злую ветрюгу не погаснет, а твой не выдержит! / Я закручинился: неужели не донесу до дома святого огонька? / Свои опасения поведал матери. Она успокоила.

– В фонаре не хитро донести, а ты попробуй по-нашему, по-деревенскому – в руках донести. Твоя бабушка, бывало, за две версты, в самую ветрень, да полем, несла четверговый огонь и доносила» (с. 28). В приведенном фрагменте присутствует мотив чуда: в исключительно неблагоприятных для сохранения огня обстоятельствах и без фонаря огонек все же был принесен бабушкой Васи. Следовательно, сохранение огня свечи в жестяном фонаре – закономерность, проявляющая себя в земном физическом мире, донесение того же огня вовсе без фонаря, обещающее сберечь огонек в бумажном фонарике, – чудо, возникающее по законам мира духовного¹, оно отменяет аргументы Гришки. Итак, жесть – еще и атрибут городского пространства, знак комфортной жизни, лишенной личного подвига.

Как видим, золото и серебро – металлы, подчеркивающие красоту церковной жизни. Ценность названных благородных металлов в текстах В.А. Никифорова-Волгина заключается именно в их красоте, а не в стоимости. Они выступают как атрибуты церковной утвари и как характеристики звуковой стороны богослужения (серебро), с ними связаны коннотации радости, праздника, почтительного отношения к святине. Серебро также выступает в качестве богослужебного цвета на Рождество. Окрашенные серебряным цветом метель и конфеты становятся символами наступающего праздника. Кроме того, серебро сопряжено со смыслом красоты, и в рассказе «Земля-именинница» оно призвано сохранить и усилить красоту девушки.

¹ По словам Ю.В. Шатина, «повествующий о событии всегда обосновывает, повествующий о чуде – свидетельствует. Обоснование в любом случае может стать предметом аналитического, оценочного отношения со стороны читателя; свидетельство внутренне неразложимо, оно либо приносится целиком, либо целиком отвергается» [Шатин, 1996, с. 8]. Заметим, что Гришке важно убедить Васю в ненадежности бумажного фонарика, тогда как христианским поступком было бы подарить ему свой жестяной фонарь или, по крайней мере, поделиться огоньком после гарантированного донесения его домой. Мать же Васи не разрушает логику Гришки, но свидетельствует о чуде, хранящемся в семейном предании.

Золото, кроме того, сопряжено с соляной семантикой и соотносится с пространством неба. Золотой цвет солнца преобразует природу и быт. В качестве цветового эпитета золотой цвет участвует в обрисовке пространства и визуальных объектов, маркирует изменения во времени. Показательно, что не только праздники Пасхи и Рождества, но и время Великого поста в рассказах В.А. Никифорова-Волгина насыщено образами золота и серебра. Церковная жизнь, по мысли автора, исполнена красотой в любое время.

Медь, хотя и соотносится с деньгами, получает в цикле значение не богатства (медяки – мелочь, по существу), но подаяния, милостыни. Жесть – признак богатства, но, поскольку реальная ценность ее не так велика, то и богатство, на которое она указывает, относительно, невелико по сравнению с духовными сокровищами, открывающимися тому, кто живет верой. Такая семантическая нагруженность образов металлов неудивительна, ведь, по бесспорному замечанию С. Исакова, пишущего о творчестве В.А. Никифорова-Волгина, писатель «был православным христианином, и это прежде всего определяет его мировосприятие. По искреннему его убеждению, основой всей нашей жизни может быть только вера в Бога, на ней держится мораль, без нее люди превращаются в зверей» [Исаков, 1992, с. 334].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Исаков, С.** Забытый писатель / С. Исков // Никифоров-Волгин В.А. Дорожный посох. – Москва: Советская Россия, 1992. – С. 330-339.
- Карасев, Л. В.** О символах Достоевского / Л.В. Карасев // Вопросы философии. – 1994. – №10. – С. 90-111.
- Косолапова, Т. И.** Мотивы золота, серебра, драгоценных камней в лирике А. Фета и А. Белого / Т.И. Косолапова // А.А. Фет и русская литература (XVI фетовские чтения). – Курск: Изд-во Курского государственного университета, 2002. – С. 200-205.
- Никифоров-Волгин, В. А.** Земля-именинница / В.А. Никифоров-Волгин. – Москва: Ставро, 2004 – 224с.
- Трубецкой, Е., кн.** Символика красок / Е. Трубецкой // Православная икона. Канон и стиль. К Богословскому рассмотрению

Культура и текст №2, 2017 (29)
<http://www.ct.uni-altai.ru/>

образа. – Москва: Православный паломник; Глаголы жизни, 1998. – С. 190-196.

Шатин, Ю.В. Событие и чудо / Ю.В. Шатин // Дискурс. – 1996. – №2. – С. 6-11.